18+

Андрей Кайгородов
ДНЕВНИК TABULA RASA
страницы заполненные шумом
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Андрей Кайгородов

Дневник Tabula rasa: Страницы, заполненные шумом

«Издательские решения»

Кайгородов А.

Дневник Tabula rasa: Страницы, заполненные шумом /
А. Кайгородов — «Издательские решения»,

«Дневник Tabula rasa: Страницы, заполненные шумом» — сборник, где смысл рождается из хаоса. Обрывки фраз, сны и случайные знаки складываются в зыбкие истории о памяти и иллюзиях. Для тех, кто ценит недосказанность и поэтичную странность.Книга содержит нецензурную брань.

© Кайгородов А.
© Издательские решения

Содержание

Дневник Табула Раса: страницы заполненные шумом 6
Вместо предисловия 6
Пролог 7
Писатель 10
Марио и Маргарита 12
Гениальный роман 19
Ожидание чуда 21
Избушка бабы Яги 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Дневник Tabula rasa: Страницы, заполненные шумом

Андрей Кайгородов

© Андрей Кайгородов, 2026

ISBN 978-5-0071-5732-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник Табула Раса: страницы заполненные шумом

Вместо предисловия

> «Жив, чертяка», — утомленно произнес акушер Синицын и положил младенца на грудь матери» — из неопубликованной рукописи неизвестного автора.

Что-то изменилось во мне, что-то внутри переключилось: умерло и отпало, как что-то ненужное, заскорузлое, окаменелое.

Я раньше ждал весну, подолгу вглядываясь в холодную синеву небес, принюхивался к воздуху. Небо весной для меня было особым: особая голубизна разливалась в нём, совсем не такая, как в другие времена года. А воздух? Чуть начинало пригревать солнышко, снег жухнуть и оседать, сосульки по капле изливать свою печаль — и воздух пропитывался весенней свежестью. Что-то тонкое, еле уловимое растворялось в нём, и я это чувствовал всей кожей, всем своим естеством. Я радовался приходу весны.

Как же давно это было, быть может, в какой-то прошлой жизни, прожитой другим человеком. В той жизни 31 августа этот человек грустно сидел у окна и печалился оттого, что закончилось лето. Уж больше не будет беззаботных ночей с мириадами звёзд, всплесков рыбы поутру в тихой глади реки, волнующих душу закатов и даже пронзительного писка комара над ухом. Обо всём этом человек думал, вспоминал и печалился.

А теперь мои чувства словно бы подверглись некой кастрации. Уже не радует весна и не печалит осень, а лето прошло — и прошло. Даже зима не страшит. Нет никаких долгих зимних вечеров, метелей, трескучих морозов. Новогодние праздники пришли и ушли — не успеваешь заметить их. И вот это колесо, которое когда-то медленно вращалось, приобрело такую центробежную силу, что порой не понимаешь, не замечаешь, не обращаешь внимания, какое время года.

Единственное, что тебя занимает, — это работа, которая никогда не кончается. Ты точно знаешь, что в семь ты встанешь, в восемь выйдешь, в полдесятого погрузишься с головой в работу. В полдевятого вечера будешь дома, поешь, выпьешь чаю, приготовишь на следующий день обед и ляжешь спать, чтобы встать в семь утра и однажды умереть.

Пролог

— Главное в любом художественном произведении — это первая фраза, будь она неладна, — сказал писатель.

— Безусловно, вступление всегда важно! — воодушевлённо произнёс музыкант.

— Как бы… начало… оно задаёт тон всему последующему действию, — добавил актёр.

— Вообще пофиг, — не разделяя подобной максимы, произнёс художник.

Итак, как-то раз собрались вместе художник, актёр, писатель и музыкант. Порядок перечисления творческих профессий в данном случае не важен. Но всё по порядку.

К музыканту пришёл известный театральный режиссёр и сообщил, что хочет поставить слегка абсурдистскую пьесу и ему нужна музыка: пять песен и пять музыкальных тем. Рассказал, о чём будет спектакль, положил на полированный журнальный столик конверт с авансом, саму пьесу и ушёл, сообщив, что вернётся через месяц.

Музыкант открыл конверт, пересчитал деньги и в приподнятом настроении отправился в любимый уютный ресторанчик, находящийся в центре города. Там он заказал себе пинту тёмного пива и порцию шотландского односолодового виски Laphroaig.

Рядом с ним у стойки бара сидел мужчина лет 35—40, обычный на вид, слегка неряшливый, небритый, что-то писал ручкой в тетрадь. Он бросил косой взгляд на музыканта и вновь принялся выводить синие каракули на бумаге.

«Мужчина сделал глоток пива, и живительная влага растеклась…» — затем зачеркнул и написал вновь: «Мужчина сделал глоток тёмного пива, и живительная влага растеклась…»

— Скажите мне, — обратился писавший к музыканту, — чем эта долбанная живительная влага растеклась в вас?

— Что, простите? — недоумённо спросил музыкант.

— Вы знаете, что такое стилевой разнобой? Я писатель, я пишу слова, разные, мать его, слова. И неважно, что это — стихи, проза, пьеса: это всё равно слова, понимаете?

— Нет, — развёл руками музыкант, — я оперирую звуками. Мир для меня — это звуки, из них я составляю мелодии. Правда, иногда мне тоже бывают нужны слова, но крайне редко.

— Вы музыкант, — произнёс писатель и печально выдохнул, — возможно, вы не поймёте меня. Вот есть слова, которые складываются в текст. Пишешь, и вроде всё хорошо, гладко, как попка младенца, здание растёт прямо на глазах.

Писатель сделал паузу, многозначительно повращал глазами и продолжил:

— Начнёшь перечитывать и понимаешь: здание кривое, ни какая ни попка, а старая уродливая сморщенная жопа. Мало того, что нет никакого раствора, скрепляющего эти кирпичи, так ведь совершенно непонятно, из чего оно построено. Это как хижина Ниф-Нифа или Наф-Нафа: дунь — и всё разлетится. А что такое коннотация, знаете?

Музыкант задумался, покачал головой и произнёс:

— В общем и целом… Вообще, если подходить к этому явлению не поверхностно, а более углублённо, то мне кажется, противоположность денотатам, определяющим типовое значение, коннотаты являются неким дополнительным, я бы даже сказал, надстраивающимся над основным, и обладают неким свойством латентности. Но, если честно, мне сейчас не хотелось бы об этом говорить. Хотя я вас, безусловно, понимаю. Вообще, творчество — процесс не из лёгких. Это только на первый взгляд кажется, что так легко и просто быть музыкантом, — ничего подобного. У меня не бывает выходных. И даже сейчас не могу не думать о музыке. Однако, скажу я вам, свою профессию не поменяю ни на какую другую. Какое это счастье — творить!

— Простите, мужчины, что невольно подслушал ваш разговор. Можно мне обычного светлого, кружечку, — обратился к официанту темноволосый статный мужчина лет сорока. Он был одет в тёплый вязаный свитер с воротником под горло. Небольшая чёрная щетина на

лице с пробивающейся сединой придавала ему вид этакого мачо. Он был по-мужски красив и обаятелен.

— Казалось бы, что проще чёрного квадрата — любой ребёнок нарисует. А ты пойди придумай его. Я сам художник и знаю, что значит создать что-то цельное, что-то значимое для искусства: это очень сложно.

— Вы художник? — спросил музыкант, и лицо его тронула лёгкая улыбка. — Очень приятно, я музыкант.

— Я писатель, — поднял вверх палец писатель, — согласен с вами, но не во всём.

— Вот как? — вскинул удивлённо бровь художник. — В чём же вы не согласны?

— В живописи есть такое направление — синтетизм, — блеснул своими знаниями писатель.

— Это что-то типа постмодернизма? — поинтересовался музыкант.

— Что-то типа, — усмехнулся художник.

— Никогда не понимал этого постмодернизма. Насколько я знаю (поправьте меня, если я не прав), в постмодернистском тексте часто встречаются скрытые намёки или просто цитаты, отсылающие нас к произведениям других авторов. Это делается для того, чтобы показать, какой автор начитанный? Или зачем это всё? Я не понимаю. Скажем, я сажусь и пишу…

— Оперу, — усмехаясь, перебил музыканта писатель.

— Вот в этом вашем «опере» есть что-то от постмодернизма — цитирование анекдота. Нет, сюиту, и начинаю там цитировать Малера, Брамса, Рахманинова, вплоть до «Калинки-малинки», показываю свой музыкальный кругозор. Это уже не сюита будет, а жуткое варево из колбасных обрезков, похлёбка свиньям на радость. И что, я вас спрашиваю, во всём этом нового для искусства?

Все задумчиво молчали.

— Ваше светлое, — произнёс официант, поставив перед художником бокал пива, — и прошу прощения, что влезаю в ваш разговор: я актёр.

Это был молодой парень лет двадцати пяти, с наколками на руках и модной стрижкой в стиле викингов.

Он улыбнулся и налил в стопку текилы.

— Предлагаю выпить за искусство!

— Хороший тост, — согласился художник.

— Постойте, — прервал его писатель, — давайте выпьем за талант. Вот вы сказали, — обратился он к музыканту, — если смешать Малера с Брамсом, то получится адская жижа. Так и будет, если это бездумное цитирование. А если талантливо вплетённое в канву повествования — это другое. Такая, знаете ли, некая игра со слушателем, искушённым слушателем. Но за это всё, конечно же, отвечает талант.

— Мастерство, — поправил его художник.

— Нет, именно талант, — возразил писатель, — и вот почему. Мастерство подразумевает сложную, кропотливую работу. Оно просто так из ниоткуда не возьмётся: это упорство, труд, опыт. Согласитесь. А вот талант — это то, что дано тебе свыше, называйте как хотите: Богом, Вселенной, провидением. Скажем, вы достигли мастерства в мытье полов, а талант у вас — в игре на бильярде. И если мытьё полов приносит вам какой-никакой материальный доход и вы идёте на эту проклятую работу, потому что обязаны туда идти, то играть на бильярде вы бежите сами: вас ведёт туда ваш божий дар. Так же с музыкой, картинами, прозой. Думаю, что и с актёрской игрой.

— А я позволю вам возразить по поводу цитирования, — вдруг неожиданно вставил музыкант, — мне кажется, постмодернизм в музыке — это банальная сборка электронной музыки из обычных сэмплов. Грубо, но мне видится именно так. Хотя почему нет — это тоже имеет право на жизнь. А насчёт таланта я поддерживаю.

Его длинные музыкальные пальцы обняли бокал с ароматным, душистым шотландским виски. Позвякивая кубиком льда, одиноко плавающим в янтарных водах элитного напитка, подобно странствующему айсбергу в океане, он произнёс:

— За талант!

— За талант! — зазвучали голоса собравшихся.

Они чокнулись и выпили за этот самый невиданный талант, который, как некий бонус, даётся человеку в дар при рождении.

— Вы правы, — сказал актёр, закусывая лаймом, — сюда я хожу на работу: актёром моего таланта платят не очень много, а кушать хочется, да и за съёмную квартиру нужно платить. Но, несмотря на всё это, главное для меня, конечно, искусство, кино, театр.

— Вы знаете, — усмехнулся писатель, — вы не один такой: у людей пишущих дела обстоят не лучшим образом. Вот, скажем, писатель…

Писатель

Все писатели делятся на две категории: одни сидят и думают, о чём бы таком написать, а другие просто пишут о себе, ничего не выдумывая. Ну разве только приврут малость — а какой рассказ, если не приврёшь?

Так вот, жил-был наш писатель, писал исключительно о себе. Да, собственно, и не писал он совсем: стеснялся своей безграмотности, просто был писателем в душе, ощущал себя никак иначе, как писателем. Много размышлял, пил и, конечно, курил по две, а то и три пачки в день, если были деньги. А денег всегда катастрофически не хватало, и ему приходилось устраиваться на работу. А так как делать он особо ничего не умел, то работы менял часто. И всякий раз, покидая очередную должность, твердил себе: «Писатель должен писать». Но садился дома, покупал пиво, включал телевизор и погружался в глубокую творческую депрессию.

Затем, когда кончались деньги, он начинал искать работу, а дело это невероятно энергозатратное: вечные собеседования, заполнение анкет, поиски вакансий — какое там писательство!

«Ничего, — говорил он себе, — нужно пережить, нужно найти такую работу, чтобы было время для писательства».

И после долгих мытарств и мучений он находил подходящую работу — по графику: два через два, три через три. Но опять ничего не писал. Огромное количество планов буквально роилось в его голове. «Нужно написать роман, — всякий раз повторял он, открывая бутылку пива, — какое-нибудь интересное большое произведение: про путешествие во времени или можно просто про себя, как Буковски или Миллер. Но ни „Тропика Рака“, ни „Записок старого козла“, ни „Праздника, который всегда с тобой“ так и не получилось».

Он работал и пил, затем пил и снова работал. Лишь иногда, словно проснувшись, вспоминал, что когда-то был писателем, но тут же вновь впадал в спячку, погружаясь с головой то в очередной голливудский блокбастер, то в работу, то в запой.

И исполнилось ему сорок лет, и постигло его невиданное доселе чудо: пригласили его на работу. Денег обещали много, правда, график обычный, как у всех, — пять через два.

А в то время наш писатель уже два года сидел без работы, перебивался разной нехитрой подработкой: там денежку подкинут, здесь заработает крохи — на пиво и сигареты хватает, и ладно. А тут — такие перспективы! Но о свободе, к которой он так привык, можно забыть.

Поразмыслил наш творец, подумал: «Ну какая свобода без денег? Зачем она нужна? Вот будут деньги — буду свободен» — и согласился.

Первые две недели пролетели с такой скоростью, что он даже и не заметил. Дали ему зарплату, и возрадовался он ей. Купил рыбу, сыра и вкусного пива — много.

Потом ещё две недели пролетели. На работе на него стали покрикивать: «Ах ты такой-сякой, ничего не знаешь, ничего не умеешь!» Сначала он обижался, вечерами пил, чтобы заглушить своё ноющее от невыносимой боли самолюбие, а утром, переполненный плохо скрываемой ненавистью к коллегам, ехал на работу.

Прошёл месяц, прошёл год. И наш писатель привык. Зарплата уже не радовала его, она даже стала казаться ему очень маленькой. Самолюбие, гордость, свобода — всё это, как и писательство, осталось в прошлом. А настоящим было: «Подай мне бумажки с принтера» — и он подавал; «Спустись вниз, отнеси пропуска» — и он относил; «Надо коробки перетащить» — и он тащил.

Так прошло ещё три года. А чем закончилась эта история — сложно сказать. Множество вариантов и ни одного правильного. Он повесился? Нет. Он уволился и стал писать? Банально. Но тоже вряд ли.

Он пришёл с работы, а на следующий день объявили пандемию, и он не пошёл на работу, запил и пил так месяц, а потом ещё один. Пандемию отменили, и писатель вернулся на работу. Это вполне возможно. И работает там до сих пор: с вечера пятницы по ночь субботы пьёт, в воскресенье опохмеляется. С понедельника по пятницу работает. И нет у него выхода из этого дня сурка. И самый отвратительный — это понедельник. Гаже этого дня, наверное, и не придумаешь.

Утро: сколько коллективной бессознательной ненависти в глазах трудящихся! В этих утренних глазах вы вряд ли встретите созидательный свет жизненных начал, игривый огонёк дионисийского пиршества, смех вакханок и аполлоническую поэзию солнца. Эти глаза — высохшие колодцы пустыни, в которых поселились изнеможённые скорпионы отчаяния, ежедневно кусающие себя и окружающих. И даже если вдруг вы разглядите в глазах какого-нибудь юноши слабый блеск живительной влаги, то знайте: это всего лишь болотная жижа, в которой растворено такое количество соляной кислоты, что вряд ли стоит проверять на вкус эту затхлую стоячую муть.

И всё это горит и светится ярким утренним пламенем понедельника.

Печальнее него — только мрачная могильная плита воскресения. Вечер после шести: человек чувствует себя обречённым, он чувствует себя Сизифом, спускающимся с горы за камнем. Этот миф — не о каком-то там древнегреческом мошеннике. Нет, он о нас, о тех, кто трудится с ненавистного понедельника по долгожданную пятницу. Это мы прем этот камень в гору, на самую вершину, — огромный, тяжеленный валун — всю неделю. А в выходные он опять катится вниз, и мы спускаемся, чтобы с понедельника вновь корячиться, вкатывая его на эту проклятую гору.

Бытует мнение, что, спускаясь за камнем, Сизиф отдыхает, а затем вновь принимается за работу. Нет, это совсем не так. Какой же это отдых? Пока он идёт вниз за камнем, невыносимая тяжесть осознания своего бытия разрывает его воспалённый мозг. И совсем непонятно, где Сизифу лучше: когда, превозмогая физические тяготы, он прёт этот проклятущий булыжник в гору или когда страдает от осознания бессмысленности своего существования, своей обречённости — колесо жизненного пути, внутри которого он пребывает и не может выйти за пределы и рамки, обречённый сдохнуть в нём или быть выброшенным ввиду немощности доживать свой никчёмный пустой век, волоча нищенское существование.

Писатель замолчал. Он вырвал страницу из своего дневника и попросил бармена налить ему водки.

— Вам нужно влюбиться, — печально произнёс музыкант. — Мне знакомый рассказывал, как познакомился с одной ведьмой. Смешная, очень литературная история. Вот послушайте.

Марио и Маргарита

Молодой человек лет двадцати пяти, неказистой внешности, одиноко сидел в шумном кафе. Перед ним, на столе стояла чашка с кофе и лежала, словно напоказ, книга с названием Милорад Павич «Хазарский словарь» (мужская версия). На обложке книжки красовалась составленная из камушков буква «Y». Мужчина явно скучал, грустные глаза его смотрели в пустоту, совсем не замечая, что происходит вокруг. В кафе всё шумело, жевало, чавкало, смеялось, ругалось, толкалось локтями, стояло в очереди, считало сдачу, заказывало и поглощало быструю еду. Мужчина ничего этого не замечал, он летал в облаках, в недосягаемости от мелких бытовых радостей и огорчений.

— У вас свободно? — вдруг милый женский голос заставил его приземлиться.

В миг всё обрело гравитацию и шумовые спецэффекты.

— Что? — в замешательстве спросил мужчина.

Девушка присела за столик и положила рядом с книгой мужчины свою. Словарь был идентичен мужскому, но только в отличие от игрек-хромосомы, на этой обложке красовалась непонятная фигура, сложенная из камушков отдаленно напоминающая букву икс. Под камнями было написано — «женская версия».

— Я спросила, не меня ли вы ждёте?

Мужчина, увидев надпись подумал, что девушка спрашивает его про книгу.

— Нет, не менял, — смутился он. — Мне дали на время.

— Чего?

— Книгу эту, — объяснил мужчина. — Кто-то забыл, а мой напарник прочитал, а потом дал мне. Сказал, если я буду сидеть в кафе и положу её перед собой, она, как магнит, притянет, — мужчина замялся, — в общем, что я познакомлюсь с девушкой. Я ему не поверил. Мы поспорили, и вот я здесь.

Девушка улыбнулась.

— А вы прочли книгу?

— Нет, — честно признался мужчина. — Я кино люблю.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Маргарита.

— Марио, — представился мужчина.

— Какое чудно́е у вас имя, мне кажется, раньше, давно, игра такая была.

— Не знаю, — пожал плечами Марио. — все вопросы к родителям.

— А можно я буду звать вас «мастер»? — спросила девушка.

— Зачем? Я работаю не на стройке и не на заводе, какой я мастер?

— А где вы работаете?

— Я продавец-консультант, — без ложной скромности произнёс Марио.

— И что вы продаёте?

— Товары для красоты и здоровья. Такие специальные пояса для похудения, миостимуляция, дарсонвали — приборы такие, чистят кожу, не допускают появления прыщей.

— Ясно, вы читали «Мастер и Маргарита»?

— Давно, но толком ничего не понял. Я вообще не любитель литературы.

— А я жить без этого не могу, — с придыханием произнесла Маргарита. — Мне иногда кажется, что я всё уже прочитала, и вдруг берёшь новую книгу и оторваться не можешь. Когда я читаю, то обязательно представляю себя в образе главной героини. Вот, как бы вы описали меня?

— Не знаю, — замялся Марио. — Красивая.

Девушка улыбнулась.

— Спасибо, конечно. Но что это за описание такое. Знаете, как в постмодернистской литературе описывают главного героя?

— Нет, — покачал головой Марио.

— Его просто сравнивают с кем-то известным. С кем бы вы сравнили меня, например?

— Я книги не очень, я кино больше люблю, — попытался уйти от ответа Марио.

— Ну пусть из кино, тоже можно.

— Не знаю, может, на Шарлиз Терон.

— Приятно, — улыбнулась Марго. — Но она же старая.

— Когда она молодая была — поправился Марио.

— Угу, — довольно хмыкнула девушка.

— А в классической литературе так нельзя, нужно обязательно создать образ. Глаза, лоб, нос, губы. Вот, например, как я опишу вас. Это был юноша лет двадцати четырёх, недурен собой, высокий умный лоб говорил о его, по всей видимости, интеллектуальных способностях. Повернитесь в профиль, — попросила девушка.

Марио неохотно, но всё же откликнулся на просьбу девушки.

— Гордый греко-римский профиль, умные выразительные глаза, тонкие губы и крепкий мужской подбородок — всё это выдавало в нём страстную и волевую натуру.

Марио грустно улыбнулся.

— Всё это точно про кого-то другого. Вряд ли меня можно назвать волевым и уж тем более страстным. Я совершенно обычный продавец-консультант и ничего более. У меня даже хобби нет.

Маргарита тоже улыбнулась.

— Это я вам просто пример привела классического описания, не лучшее, конечно, ну уж как получилось. А вот скажите, если бы вы были мастером, а я Маргаритой, и я бы собралась обнажённая лететь на бал к сатане, что бы вы сказали?

Марио на секунду задумался и уже хотел было ответить, но девушка перебила его.

— Нет-нет. Вы просто представьте, вы мастер, а я ваша Маргарита. Я понимаю, вы не работаете на стройке, просто представьте и скажите.

— Чтобы вы оделись, — решительно произнёс Марио, чем привёл девушку в замешательство.

— Почему? — совершенно не ожидая подобного ответа, спросила она.

— Вы простудитесь.

— Но ведьмы не летают одетые, — возразила Маргарита.

— Тогда хотя бы шапку, — не унимался Марио. — Вы представьте, стоите вы голая на балу у этого сатаны, гости приходят и целуют вам руки, а у вас из носа, извините, сопли текут. А куда их, вы же голая, и платок уже не Фриде понадобится, а вам.

— Вы плохо читали роман, — расстроилась Маргарита. — Фриде подавали платок всякий раз, как напоминание о смерти младенца. Маргарита сделала так, чтобы больше не подавали платок.

— Ага, — сказал Марио. — Вот видите, значит, платок понадобился Маргарите? Она простудилась, и у неё были сопли.

— Сами вы сопли, — в сердцах произнесла Маргарита. — Не было никаких соплей, она ведьма была.

Марио тяжело вздохнул и машинально пододвинул к себе книгу. Это была своего рода защитная реакция.

— Будто у ведьм не бывает насморка. — пробубнил он обиженно себе под нос.

— Простите, — извинилась Маргарита. — Я не хотела вас обидеть. Вы знаете, я недавно была на экскурсии в одной глухой деревне. Казалось бы, обычная деревня, ничего такого. А на поверку вышло, вовсе и не такая простая. Скажите, чем деревня отличается от села?

— Не знаю, — пробормотал Марио, ещё не полностью отойдя от обиды.

— Подумайте.

— Село больше, там школа, наверное, есть, больница, магазин. Я не знаю, я городской ребёнок.

— Да, вы всё правильно говорите. Только в селе ещё церковь обязательно была, а в деревне нет. Но я не об этом. Вот теперь представьте в деревне краеведческий музей. Казалось бы, кому он там нужен, а вот и нет. Там очень интересно. Утюги старинные, большие, тяжёлые, в них угли засыпали и гладили. Прялки там всякие, серпы, вилы деревянные, вроде бы неинтересно, но когда там очутишься, сразу всё по-другому. На стенах картины местного художника, замысловатые уж больно, а некоторые и вовсе страшные. Самовары разных размеров, из одного мы чай пили. Музей суперский, экспонаты можно трогать. Но это ещё не всё. Там лес круго́м, и в этом лесу ведьмины тропы и болото, и там дом на куриных ножках. Не взаправдашные, конечно, куриные ножки, но всё равно жутко. Этот домик можно арендовать и провести там ночь. Внутри всякие травы сушатся, в банках лягушки заспиртованные, черепа животных, в общем, настоящий дом Бабы-яги, как из сказки. Спать, конечно, там жутко, на болоте выпь всю ночь кричит, звуки разные, ох и натерпелась я там жути. Да и стоит, скажу я вам, ой как недёшево. Но что поделаешь, за экзотику нужно платить. Утром на завтрак нам подали яичницу с мухоморами, оладьи с вареньем из волчьих ягод, травяной чай из колдовского сбора. Как же всё это вкусно. А вы бы хотели провести ночь в ведьмином домике?

— Нет, — сухо ответил Марио. — Я работаю с чертями. Я их вижу, общаюсь с ними каждый день с понедельника по пятницу. Я их ненавижу. Чего-то я не в духе, пойду я домой.

Марио поднялся, его бледное лицо выражало печаль и уныние.

— Постойте, — схватила его за руку Маргарита. — Вы мне понравились. Если хотите, я дам вам свой номер телефона. Сейчас запишу.

Она достала из сумочки небольшой блокнотик и ручку. Быстро записала цифры и вырвала листок.

— Вот. Позвоните, я буду ждать.

— Хорошо, — холодно буркнул Марио и небрежно сунул листок в карман.

Марио шёл домой, и противоречивые чувства переполняли его душу. Он не понимал, почему соврал этой милой и такой красивой девушке. Ему даже не удалось объяснить причину ухода, словно бы кто-то невидимый поднял его за шкирку и вывел из зала.

По дороге домой Марио зашёл в магазин купить алкоголь, чтобы хоть как-то притушить бушующий пожар души. Он купил две бутылки водки и три бутылки пива, холодец в пластиковой упаковке, десяток яиц, хлеб и батон колбасы. Сложив всё это в пакет, Марио вдруг обратил внимание на валяющийся бумажный проспект. Слегка помедлив, он наклонился и поднял листок с пола.

На бумажном проспекте было написано — «Собрание анонимных менеджеров.

Проблемы на работе, в семье — приходи, решим их вместе».

Далее был указан адрес и время сбора.

Марио сунул проспект в карман и направился домой.

Весь день и весь вечер он пил, благо была суббота и наутро не нужно было на работу.

Марио заснул около десяти под скрежещущее-стреляющие звуки «Терминатора».

Пробуждение было тяжёлым и похмельным. После душа Марио захотел покурить, пошарил в карманах и вместо сигарет вытащил два листочка. На одном ровным каллиграфическим почерком был выведен номер телефона Маргариты, а на другом телефон собрания анонимных менеджеров.

Заседание было намечено на 16:30, территориально не очень далеко от дома Марио, и он решил сходить. Анонимные менеджеры располагались в небольшом помещении офисного здания. Там по кругу стояли семь стульев, на них сидели пять мужчин, включая ведущего.

Марио вошёл в комнату и робко поздоровался.

— Проходите, проходите, — бархатным голосом заговорил невысокого роста плешивый мужчина, и лицо его округлилось в добродушной улыбке.

— Присаживайтесь, и мы начнём.

Марио присел и беглым взглядом пробежался по собравшимся. Средний возраст собравшихся был 30—40 лет, обычные мужчины с хмурыми лицами и потухшими глазами.

Создавалось такое впечатление, будто их насильно пригнали сюда.

— Итак, — начал ведущий, — меня зовут Сергей Александрович. Сегодня мы с вами поговорим, пожалуй, о театре. Кто начнёт?

Все молчали, как школьники, и глядели в пол.

Ведущий не торопил и не настаивал, он тоже молчал и пристально смотрел то на одного, то на другого.

— Я хочу, — раздался густой бас.

И все сразу подняли глаза на субтильного, тщедушного человечишку, со впалыми щеками и крупным носом, жидкими усиками и маленьким ртом.

— Мы недавно ходили с женой в театр. Конечно, она меня потащила. Ныла, ныла. Никуда не ходим, сидим как мыши в своей клетке. При чём здесь мыши вообще? Ну, хер с ним, пошли в театр.

— Я всех прошу, — встрял ведущий, — если можно, не ругайтесь, пожалуйста.

— Да ладно, — отмахнулся мужчина и продолжил, — показывали или играли, не знаю, как правильно, пьесу про коммунальную квартиру. Соседи собачатся друг с другом, отцы там и дети, бабушки, матери грызут друг друга. Поебень, короче, полная. Прошу прощения. И моя после, значит, спектакля говорит, какой это дико сложный труд. Дико сложный. Я ей, значит, отвечаю: дикий, я понимаю, но что сложного-то там? А она мне: ты что, они же всё это через себя пропускают, это же какое моральное и ещё там хер просрёшь, простите, напряжение. А я ей так сказал про это. Вот этого морального напряжения у меня каждый день, как говна за баней, простите. Я на стройке работаю, кабель тяну, траншеи копаю, раствор таскаю, короче, к вечеру вообще никакой уже. Но вот приходит начальник и имеет тебя без вазелина, нет, не потому что ты в очередной раз накосячил, и это тоже бывает, конечно, нет, нет. Так, для проформы, чтобы не расслаблялся, это у него теория такая, что всех надо иметь, а не то работать перестанут. Но это ещё не всё. После этого я иду домой и, понятно, через магазин. Там беру бутылочку вина, а когда и водки. А дома жена, тёща, дети, и начинается у нас вот тот самый спектакль, на который мы ходили. Так какое, в пизду, моральное, хрен пойми, чё у них? Тысяча извинений. Отыграли и домой попёрли. А ты, сука, всю свою ебучую жизнь живёшь в этом говне.

Мужчина замолчал, утёр ладонью влажные глаза и повесил голову.

— Ты не прав, Василий. У работников культуры достаточно и физических, и моральных перенапряжений. И они, как никто другой, перегорают, да.

— Они что, блядь, китайские лампочки, что ли? — возмутился Василий.

— Почему сразу китайские? Наши лампочки не меньше, а то и больше горят. Встрял в разговор сосед Василия, кудрявый мужчина лет 35.

— Китайцы хорошие делают лампочки. Я в магазине, прежде чем купить, спрашиваю: чьи? Если говорят, что наши, сразу отказываюсь. А если Китай, то беру.

— Да-да, — возразил сосед сидящий напротив, — я как-то купил нашу, вкрутил, включил свет, и она лопнула. Осколки по всей комнате разлетелись. Так что Китай…

— Послушайте, послушайте, — вмешался ведущий, — при чем здесь Китай? О чём вы вообще? У нас сегодня новое лицо, прошу вас, представьтесь.

Марио осмотрелся по сторонам и понял, что говорят о нём. Он представился.

— В чём ваша проблема? — поинтересовался ведущий. — Расскажите нам.

— Проблема моя в том, — печально вздохнул Марио, — что я патологический врун. Мне кажется, что я вообще никогда не говорю правды. Вот недавно встретился с девушкой и, не знаю зачем, наврал ей, что работаю продавцом-консультантом, а сам работаю подсобным рабочим на складе.

— Шнырем, короче, — вставил ремарку сидящий напротив мужчина лет 40 с надменным лицом, смотрящий на всех словно бы свысока.

Марио вопросительно посмотрел на ведущего, но, не найдя отклика, продолжил.

— Почему я соврал, не знаю. Наверное, потому, что терпеть не могу свою долбаную работу. И коллег. Для меня каждое утро с понедельника по пятницу — это сущий ад, ад с чертями. Такой день сурка.

— Нас ебут, а мы крепчаем, — вновь вставил свои пять копеек мужчина.

— Чего? — возмутился Марио.

— Я сказал, на хер ты там работаешь, если тебе не нравится эта работа? Найди другую.

— Какую другую?

— Какую нравится. Миллионы людей работают на любимой работе и не жалуются.

— Вы, наверное, не в курсе, что десятки миллионов работают лишь ради того, чтобы хоть как-то выжить, свести концы с концами. Всякими дворниками, кассирами.

— Это тебе так кажется. Есть такие кассиры, что просыпаешься утром, и хочется бежать за продуктами только ради того, чтобы увидеть того кассира, поговорить с ним.

Марио замолчал и вновь посмотрел на ведущего. Тот был безучастен, лишь пытался придать своему лицу заинтересованный вид.

— Что молчишь? — не унимался мужик.

— Сергей, — наконец-то вмешался ведущий. Но тут же был мягко послан.

— А чё ты впрягаешься за него? — рявкнул тот.

Марио поднялся со стула и собрался уходить.

— Знаешь, почему тебе не нравится твоя работа? — усмехнулся Сергей, вальяжно развалившись на стуле.

— Потому что ты мягкий, как говно, и яиц у тебя нет. Ты из тех, кто любит философствовать на тему: залаяла на меня собака, что же мне, тоже на неё залаять? Или если меня осёл боднул, что мне теперь, избить осла? Угадал?

— Мне пофиг? — произнёс сквозь зубы Марио.

— Конечно, пофиг, потому что у тебя яиц нет.

— До свидания, — сказал Марио и направился к выходу.

— Вот в этом вся твоя беда, — крикнул ему вслед Сергей, — ты сыкло, постоянно бежишь, как побитая собака. И так и будешь бегать всю жизнь. Только бежишь ты не от меня, а от себя. От слабости своей. Щас придёшь домой и сядешь жалеть себя.

Марио остановился возле двери, повернулся и зло посмотрел на Сергея.

— Скажите, Сергей, — обратился он к обидчику, — вы правда лаете на собак и бодаете в ответ ослов?

Сергей усмехнулся.

— Ох, у нас здесь ирония прорезалась. Вот что я тебе скажу, Марио. Я не мягкий кусок говна, как ты. Я скорее электрический ток, и кто его заденет хотя бы раз, больше уже не стремится встретиться с ним, это в лучшем случае, в худшем просто умирает.

Марио вышел и закрыл за собой дверь. Проходя по коридору, он вошёл в туалет. Возле окна стояла швабра. Марио взял эту швабру, переломил об колено и с обломленной палкой, словно с мечом, отправился восстанавливать свою честь и достоинство.

Он вошёл в кабинет, приблизился к надменно усмехающемуся Сергею и произнёс первое, что пришло в голову:

— Я разящая неизбежность.

После чего произвёл удар палкой в голову противника.

Сергей рухнул со стула на пол.

Победивший демонстративно вытер о побежденного ноги со словами:

— Говну, мой друг, не страшен электрический ток.

Марио вышел на улицу, дул прохладный вечерний ветерок, на душе было спокойно и легко. Первый раз в жизни он постоял за свою честь, первый раз в жизни не убежал, первый раз в жизни дал отпор агрессору. Марио шёл по улице, и лицо его непроизвольно растягивалось в довольной улыбке. Круго́м горели витрины, сверкая гирляндами разноцветных огней. На одной из витрин Марио остановил свой взгляд.

«Лавка талантов», — прочитал он на вывеске и вошёл внутрь. Маленькое помещение было завалено всевозможной рухлядью. Древнее оружие времён Крестовых походов, всевозможные музыкальные инструменты: скрипки, виолончели, лютни, дудки, флейты, волынки, картины, книги, два ящика монет и множество разной антикварной чепухи. Посреди всего этого благолепия стояло кресло-качалка, в нём сидел древний седой старик и курил трубку.

— Добрый вечер, — поздоровался Марио.

— Вы что-то хотели? — поинтересовался старичок, выпуская клубы дыма.

— Хотел, — признался Марио, — выучить английский язык.

— Школа по изучению иностранных языков находится в соседнем здании.

— Вы знаете, я где-то читал, что человека ударило электричеством, и он заговорил по-английски.

— Мы такое не практикуем, — слегка раскачиваясь, произнёс старик. — Быть может, вам нужен какой-то талант? Вы мне душу, я вам талант.

— Чего это сразу душу? — возмутился Марио.

— Ну а как? Нужно чем-то жертвовать, талант, его же за деньги не купишь. Здесь так: либо душа, либо талант.

— Даже не знаю, — задумался Марио.

— Подумайте, это дело такое, тут нельзя решать с кондачка, нужно всё обдумать. А вы бы какой хотели талант?

— Не знаю, — пожал плечами Марио, — я бы хотел быть мастером.

— Плитку класть?

— Нет. Писать романы, рассказы.

— О чём?

— Не знаю, что-то военно-патриотическое, наверное, про любовь. Одна знакомая девушка хочет, чтобы я был её мастер, а она моя Маргарита. Но я ничего не пишу и никогда не писал. Про Понтия Пилата слышал, конечно, но не так чтобы роман про него написать. А вот если у меня будет талант…

— Хорошо, — улыбнулся в бороду старик.

— А вы кто вообще? — недоверчиво спросил Марио.

— Дед Мороз, — совершенно серьёзно произнёс старик.

Мороз встал, подошёл к полке с книгами и, казалось бы, вынул книгу наугад.

— Вот, возьми прочитай всю, от начала до конца.

Марио недоверчиво посмотрел на старика, но книгу взял.

— Пятьсот рублей.

Голубые глаза старика были словно из другого непонятного, холодного и пугающего мира. И взгляд его прожигал насквозь своим голубым льдом.

— А с хера ли ещё пятьсот рублей? — смутившись от подобного взгляда, произнёс Марио.

— За книгу.

— А…

— Душу за талант, пятьсот за книгу.

— «Осока любви», современный детектив, — прочёл он на обложке книги.

— И на хрен мне твоя идиотская книга за 500 р.

— Это я написал, — похвастался дед.

— Ну и читай сам.

Марио положил книгу на прилавок.

— Ну и хрен тебе талант, — рявкнул дед.

— А тебе хрен душу.

— А тебе девку, уебок, — закипел как чайник Дед Мороз. — Пошёл на хуй из моего магазина.

— Сам пошёл, — проворчал Марио и вышел на улицу.

Он хотел позвонить Маргарите, но не осмелился. Придя домой, выпил рюмку водки и уснул. Ему приснился Булгаков, одетый в гусарский наряд с аксельбантами и прочей мишурой.

— Никакой ты не мастер, ты просто мудак, и всё. И никогда больше Дед Мороз не подарит тебе подарок на Новый год.

Марио хотел возразить, сказав, что и так никогда не получал никаких подарков от этого старика, но побоялся обидеть классика, да к тому же у Михаила Афанасьевича очень ярко блестела сабля, уже вынутая из ножен.

— Да, — печально произнёс Марио, — я не мастер, даже не подмастерье. Я простой труженик.

Марио проснулся. На улице была ночь, ярко светила полная луна. На мгновение ему показалось, будто что-то промелькнуло на белом фоне луны.

Он набрал номер телефона Маргариты.

Несмотря на поздний час, ждать пришлось недолго.

— Алло, — приветливо ответил приятный женский голос.

— Маргарита, это Марио, — сглотнув подкативший к горлу ком, выдавил из себя Марио, — ты, наверное, не помнишь меня, мы встретились…

— Это не Маргарита, — прозвучало в трубке, — это Наталья, её домработница. Маргарита улетела.

— Куда? — поникшим голосом спросил Марио.

— На шабаш, — ответила Наталья, — но вы не переживайте. Она просила передать, если вы позвоните, когда позвоните, чтобы вы не волновались, она надела шапку.

— Я всего этого не понимаю, — произнёс художник вслух, ни к кому персонально не обращаясь. — Если тебе не нравится, зачем ты там работаешь? Беги оттуда. Я никогда не работал на дядю и не собираюсь. Все эти компромиссы с совестью ни к чему хорошему не приводят.

— Возможно, ты прав, — нехотя согласился писатель. — Сколько себя помню, всегда хотел написать гениальный роман. Пусть не самый гениальный в мире, но что-то вроде «Улисса» или «Мастера и Маргариты». И однажды я его увидел во сне. Правда, правда.

Гениальный роман

У него были все предпосылки для написания великого романа. Но ему уже не хотелось ничего писать. Казалось, литература осталась в прошлом, она умерла. А мёртвой литературе, в свою очередь, казалось, что этот жалкий человечишка, так и не ставший писателем, предал её.

Мужчине было холодно и одиноко. Каждую ночь, ложась с набитым пузом в тёплую постель, он оплакивал скоропостижно скончавшуюся литературу и безвременно ушедший талант. Всхлипывая, шмыгал носом и засыпал.

Однажды во сне к нему пришла девушка в белых одеждах, развивающиеся белые локоны ниспадали на плечи. Лёгкая, еле уловимая улыбка едва касалась её губ.

Она села напротив и принялась шептать ему на ухо тот самый гениальный роман. Проснувшись, мужчина ощутил себя словно парящим в небесной сумрачной пустоте, но вся эта ночная пустота была соткана из его гениального романа. И лишь тусклый фонарь за окном пробивал небольшую брешь своим бледным пятном в чётко структурированном, сложном, бесконечно прекрасном тексте.

— Ты должен встать и всё записать — сказал он сам себе.

— Зачем тебе писать? — окутывая его мягкой дремой, спросило одеяло.

— Писатель ты или так поссать вышел? — восстал внутренний голос.

— Это прямо сейчас необходимо сделать — возмутилась подушка — разве нельзя подождать до утра?

— Если ты сейчас не встанешь — заскулили внутри него остатки писательского дара — то уже никогда не поднимешься и роман века напишет кто-то другой.

Выбравшись из кровати, писатель быстро побежал в туалет, роман сверкал у него в голове различными хитросплетениями, сложными искромётными образами, тайными смыслами.

— Я должен, должен записать, потому что я писатель и не могу иначе — подбадривал он себя.

— Да, это будет великий роман!

Забежав в туалет, боясь упустить хоть малую толику этого повествования, мужчина поднял крышку унитаза и принялся мочиться. Справляя утреннюю нужду, писатель буквально физически чувствовал, как вместе с накопившейся жидкостью из него вытекает гениальный роман. И когда утренний моцион закончился, от романа осталась только небольшая повесть.

Мужчина не опустил руки, а принял решение биться до конца и хотя бы повесть, но записать.

Выскочив из туалета, он ещё был полон решимости взять ручку и тетрадь, и воплотить услышанное во сне, как вдруг взгляд его упал на графин с водой, стоящий на кухонном столе. Писатель потрогал деревянные от сухости губы и почувствовал дикую, невыносимую сухость в горле и потрескавшийся, подобно земле от засухи, язык, прошуршал наждачкой по пересохшему колодцу его нёба.

— Быстро попью и буду писать — подумал он.

Взяв графин, не разменяваясь на кухонную посуду, писатель принялся пить прямо из горлышка и вновь с болью в сердце ощутил, как вместе с водой в желудок, будто в пустую бездонную бочку проваливаются остатки его романа.

Поставив графин на стол, не состоявшийся гений понял, что от небольшой повести остался лишь маленький рассказ. Но и это не остановило его.

— Я всё ещё писатель — закричал он в пугающую черноту ночи — я должен написать, обязан написать, пусть это будет рассказ.

В поисках ручки и тетради маленький рассказик растаял, словно небесное облачко, без следа.

Грустный писатель сел на край кровати, посмотрел на часы. До подъёма на работу оставалось два часа. Он лёг и долго смотрел в потолок, затем уснул. Будильник разбудил мужчину в семь утра.

Девушка в белом больше никогда не приходила к нему.

— А мне очень часто приходит музыка во сне, — сказал музыкант и чуть улыбнулся. — Я не только слышу, но и вижу её. Не спрашивайте как. Это что-то яркое, переливы цвета. Словно на полотнах Кандинского. И эта музыка — она повсюду, и словно бы я сам становлюсь ей. И это чудо, настоящее чудо… Сравнимое… Даже не знаю, с чем сравнить. А с чем вообще можно сравнить чудо?

— С ожиданием этого чуда, — решительно произнёс бармен.

Ожидание чуда

Всё идёт по кругу, всё повторяется вновь. Смотришь на сидящую напротив девушку, вся светится, глаза горят. На лице блуждает лёгкая, еле уловимая улыбка влюблённости. Девочка легка, воздушна, прекрасна, истый образчик красоты. Бабочка, неотягощённая пудовыми гирями монотонного быта, ещё пока лишена шрамов от жаркого пламени любви.

Она словно ветерок, лёгкий, тёплый, весенний, озорной ветерок.

Вот она срывается с места и журча, вытекает из равнодушно угрюмой железной ладьи метро, управляемой Хароном, в бурлящий, переполненный кислотой и прозой мир, в котором нет места трелям соловья и поэзии миннезингеров.

Девушка едет в аэропорт. Не такие уж и мытарства, положить на ленту ручную кладь, одежду и пройти рамочку. Въедливый взгляд юноши охранника никак не ранит её, если ему нужно, пусть смотрит, он ведь на работе и не старается за ней приударить. Пройдя первый кордон, она оказывается ещё не во чреве, но уже по пути к нему, в огромной глотке архитектурного кита и движется с подобными себе рыбёшками и планктоном в направлении его огромного брюха.

Не такие уж и мытарства предъявить билет и паспорт, мило улыбнуться угрюмой толстой тёте, проверяющей наличие и принадлежность, сверяющей цифры и буквы и произносящей голосом, напоминающим равнодушный дверной скрип: «проходите».

И не такие уж мытарства снять с себя верхнюю одежду и обувь, положить их вместе с вещами на ленту, постоять пару секунд с вытянутыми вверх руками.

И вот она в утробе огромного плотоядного животного. Ждёт, ждёт, ждёт.

И вот уже приглашают пройти на посадку, очередь движется медленно. Ждёт.

И вот она спускается по лестнице, выходит на улицу, садится в автобус и ждёт. Проходят утомительно долгих пятнадцать минут, и двери закрываются, автобус едет. И вот уже он — красавец гигант, два крыла, турбины и хвост.

Автобус стоит, дверь заперта, когда же уже? И вот она поднимается по трапу и вот шествует важно по проходу меж кресел. И вот они, взгляды сидящих на первых рядах в бизнес-классе. Ну смотрят и смотрят, в конце концов, у них есть деньги и они себе могут позволить, сидя в кресле, смотреть свысока. Она пытается побороть неуютное чувство гадливости и насколько можно быстро миновать эти ряды, но получается не очень, впереди неторопливые люди. Она подходит к своему месту в середине длинной железной кишки с тремя рядами сидений по бокам. На месте девушки сидит мужчина надменного вида, и у неё складывается впечатления, что это падший, выгнанный из бизнес-класса уродец, но всё ещё продолжающий вести себя так, словно здесь места для привилегированных ушлёпков и он король этих членистоногих.

Ей хочется сказать ему, папаша, а вам не кажется, что если у вас нет денег на бизнес-класс, то нужно вести себя как-то попроще? Но она лишь улыбается и говорит ему: —«простите, это моё место».

Он, по всей видимости, прощает её и пересаживается в середину ряда, но так, что занимает своими локтями и расставленными в сторону коленями ещё половину соседних сидений. Она жмётся, в голове её как набат поет: «в тесноте, да не в обиде».

Самолёт садится, она чувствует, как прямо под ней выезжают шасси. Сухой голос бортпроводницы, за окном дождь и вновь ожидание.

Ожидание конца полёта, ожидание любви, семьи, работы, детей, пенсии, внуков, старости, смерти.

И где во всём этом чудо?

Ах, да, конечно, ожидание чуда.

— Чудес не бывает, — категорично заявил писатель. — Вы думаете, музыкальные сны — это чудо? Нет. Это работа мозга. Как у Цоя — «работа мозга», а вовсе не чудо. Да, определённая доля мистики, ну или элементы чуда в этом, как и во многом, присутствуют. Но чтобы чудо состоялось, нужно приложить массу сил и потратить уйму времени. Просто сидеть и ждать чуда — авось я стану миллионером или королём Зимбабве — ну, как-то это тупо.

Чудо, на мой взгляд, — это некое озарение, идея, которая упала на тебя сверху. А всё остальное — уже от тебя зависит: воплотишь ты это чудо в жизнь или нет. Ну и, конечно, талант, наверное, тоже чудо. Вот какой я противоречивый, — усмехнулся писатель.

Избушка бабы Яги

Зима 1993 года была снежная и морозная, она врезалась Клавдию в память своим острым ледяным шипом. В январе умер отец. Всю церемонию похорон на кладбище Клавдий простоял без шапки, а мороз был такой, что слёзы не успевали скатываться по щекам, превращаясь в солёные кусочки льда.

На поминках в тёплой столовой Клавдий выпил водки и захмелел, он плакал и сам не знал почему. Они не были близки с отцом. Когда Клавдию было семь, отца посадили в тюрьму. И в школе на вопрос учителя, чем занимается твой отец, Клавдий, опустив глаза и состряпав печальное выражение лица, сказал, что он не живёт с ними.

Учился Клавдий средне, не так чтобы двоечник, но и ударником, тем более отличником назвать его было нельзя. Клавдию вообще не особо нравилось учиться. Практически весь третий класс он пропускал уроки, по дороге в школу разворачивался и шёл в кино на утренний сеанс, а затем без дела слонялся по городу.

Мама работала допоздна и в школу не ходила.

Но однажды классная дама сама пришла к ним домой, и Клавдию влетело. Конечно, его никто не бил, но ему запретили гулять и перестали давать деньги на обед, только на проезд до школы и обратно. За школьные обеды мама стала сама сдавать деньги Ольге Петровне, классному руководителю Клавдия.

Отец вышел из тюрьмы, когда Клавдий закончил седьмой класс. Долго отсутствующий родитель подарил сыну фотоаппарат «Зенит» и все причиндалы для печати фотографий.

Не то чтобы Клавдий был этому безумно рад, но подарок принял. Попросив у знакомого старшеклассника на день колоду порнокарт, он перефотографировал её. Вскоре Клавдий наладил бойкую торговлю картами с фотографиями обнаженных женщин в виде вальтов, королей, дам и прочих карт всех мастей. Клавдий заработал приличную сумму денег. После карт он стал фотографировать и продавать постеры и плакаты различных иностранных рок-групп. Плакаты с «Ай Си Ди Си», «Металликой», «Мэноваром», «Юрай Хип» и «Айрон Майден», а также с другими известными группами, включая недавно появившихся на российской сцене супермодных рокеров, пользовались огромной популярностью и быстро раскупались.

Через год после освобождения отец ушёл из семьи. По отцу Клавдий особо не горевал, жалко было маму. Она была очень грустная и вечерами часто плакала, скрывая это от Клавдия.

Ещё пару раз отец на мгновение появлялся в жизни Клавдия, а потом и вовсе пропал.

И вот случилось так, что он умер. Клавдий плакал, сам не понимая, почему плачет. Наверное, потому, что был пьян и простужен.

После похорон Клавдий на две недели загремел в больницу. У него была большая температура, ломило тело, а горло болело так, что трудно было не только говорить или есть, но даже глотать собственную слюну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.